— В-вашей жи… зни?

Я озадаченно хлопала глазами. Означало ли это, что ей угрожали браком? Или, быть может, всё дело в средствах к существованию? Ведь Миссис Керни, по всей видимости, вышла замуж примерно в то же время, что и моя мать.

— Да, именно так, — затем она с улыбкой добавила. — Могу я войти?

— Ох! Конечно, Мадам, — я поспешно открыла дверь. Миссис Керни, одетая в старый фартук поверх выцветшего поплинового платья, осторожно вошла в комнату. Она села в кресло, а я расположилась на кровати лицом к ней.

— В таком случае, должна ли я рассказать вам? Потому что мне кажется, что я знаю, почему Миледи спросила об этом.

— …Да, пожалуйста.

Я решила просто молча выслушать её рассказ.

— С чего бы мне начать? Я была младшей дочерью мелкого и бедного помещика и не имела никакого имущества, которое можно было бы унаследовать. И, к тому же, за мной не было приданого, она сделала небольшую паузу, опустив глаза на свои руки. — Он был человеком достойным и образованным. Я влюбилась с первого взгляда и отправилась за ним, оставив дом.

— Оставив дом…

— Было время, когда и во мне вспыхнуло бунтарство, — увидев, что я была поражена этим заявлением, Миссис Керни прикрыла рот рукой и рассмеялась. — Должна сказать, но он тоже не мог себе этого позволить. Он не был старшим сыном, поэтому не унаследовал титул. Мы жили в ветхом коттедже в сельской деревне на севере. Он сразу же поступил на военную службу, чтобы зарабатывать на жизнь, а потом… Впрочем, вы и сами знаете.

Конечно, я знала. Вскоре после этого она стала вдовой.

Лицо Миссис Керни казалось спокойным, но я почему-то чувствовала себя неловко и не знала, что делать. Мне было трудно понять, что она чувствовала, и потому я не могла выразить ей ни сочувствия, ни сопереживания.

— На нашем торжестве было всего несколько человек, и я держала в руках букет из полевых цветов, но мне не было стыдно. Всё было прекрасно. Было время, когда я думала, что умру, если не выйду за него замуж. Было ли это оттого, что я так горячо его полюбила? После его ухода единственное, что поддерживает во мне жизнь, – это воспоминания о том времени.

Я боялась, что глаза Миссис Керни начнут слезиться, но, к счастью, на её лице была только нежная и сияющая юностью улыбка.

Я и не знала, что швея имела такую историю. Не укладывалось в голове, что у Мадам, которая всегда носила старый чепец и неустанно работала по дому своими грубыми руками, тоже были свои великолепные дни. Дни, полные яркого блеска, который могла дать только любовь.

Я никогда не испытывала подобных чувств.

— ...Вы не боялись? Из-за страха, что ваш муж может не принять ваши чувства...

— И почему же? Потому что я была простой скромной женщиной, у которой ничего не было за душой? — когда Миссис Керни улыбнулась, её передние зубы, похожие на кроличьи, стали отчётливо видны.

— Нет, нет, я не это имела в виду. Просто... Когда влюбляешься... Человек чувствует себя приниженным и плохо думает о себе, — «потому что «тот» человек кажется невероятно ослепительным и возвышенным» осталось не сказано.

Услышав моё тихое замечание, Мадам улыбнулась и хмыкнула:

— Я шучу. Я знаю, о чем вы говорите, дорогая. Совершенно верно. Он был замечательным мужчиной, а я – женщиной, в которой не было ничего особенного.

Слова Миссис Керни снова напомнили мне об Аллане. Между мной и им тоже было что-то вроде непреодолимой пропасти.

— Но я была не в том положении, чтобы думать о таких вещах.

— Почему?

— Потому что мне нужно было жить.

— ...Это был вопрос средств к существованию?

— Нет, Мелисса. Если твоя любовь к нему так горяча, как будто ты проглотила пламя, и если ты не сможешь выплюнуть его, — мадам замялась, словно усердно подбирала слова, чтобы не обидеть меня. — Если ты немедленно не признаешься в своих чувствах, ты сгоришь заживо, — было крайне непривычно видеть, как Миссис Керни, которой было около пятидесяти лет, рассказывала историю своей любви с глазами, сверкающими, как у двадцатилетней девушки. — Когда я неуклюже отдала ему свое сердце, он принял его. Такое нельзя назвать ничем иным, как чудом.

— ...Он тоже любил Мадам с самого начала.

— Не знаю. Может, это из-за моей смелости? А может, из-за сочувствия?

— Сочувствия?

Последовавший ответ Миссис Керни заставил меня пожалеть о том, что я спросила:

— Я всё ещё не знаю ответа. И никогда не узнаю. Потому что его больше нет, — она одарила меня самым серьезным взглядом. — Я полагала, что это было сочувствие, потому что если бы он отверг меня, то я всё равно бы не смогла больше выйти замуж. Я сделала очень эффектное признание.

— ...Вы были безрассудны, – пробормотала я невнятно.

Чем больше я слышала об истории Мадам, тем сильнее удивлялась. Мне было трудно представить, что она покинула дом из-за любви...

Поглаживая тыльную сторону своей морщинистой руки, Миссис Керни добавила:

— Когда я думаю об этом сейчас, мне становится смешно. Может быть, дело было в том, что я была молода, но мне не было страшно. Сам тот факт, что сейчас я чувствую, что могу прожить всю жизнь, храня воспоминания лишь о тех нескольких годах, заставляет меня оглядываться назад и думать о том, насколько велико было моё счастье встретить такого человека.

В моей голове крутилось множество мыслей. На самом деле, они становились всё более запутанными на протяжении всего времени, пока я слушала её рассказ. Может, я знала, что было на уме у Мадам, а может, и нет. Однако одно было очевидно – она рассказала прекрасную историю. В конце концов, это были воспоминания о любви, побудившие Миссис Керни, которая могла бы покончить с жизнью, в итоге вновь начать жить, благодаря потрясению, связанному с внезапно оставившим ее любимым человеком.

Неожиданно я подумала вот о чём: любовь каким-то образом заставляет людей жить. И в то же время я поняла ещё одну вещь: мои чувства к Аллану нельзя было назвать настоящей любовью.

Пожалуй, называть любовью то чувство, которое не являлось ни рациональным, как у моей матери, ни зависимым, как у Виолы, ни отчаянным, как у Миссис Керни, было неловко.

http://tl.rulate.ru/book/66326/2338496